

**ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЕ
ИСТОРИЧЕСКИЕ
ДИСЦИПЛИНЫ
В СОВРЕМЕННОМ
НАУЧНОМ ЗНАНИИ**

**МАТЕРИАЛЫ
XXIX МЕЖДУНАРОДНОЙ
НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ**

Москва, 13–15 апреля 2017 года

РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ИСТОРИКО-АРХИВНЫЙ ИНСТИТУТ

Высшая школа источниковедения,
вспомогательных и специальных
исторических дисциплин

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

Отдел специальных исторических
дисциплин

МУЗЕИ МОСКОВСКОГО КРЕМЛЯ

**ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЕ
ИСТОРИЧЕСКИЕ ДИСЦИПЛИНЫ
В СОВРЕМЕННОМ НАУЧНОМ ЗНАНИИ**

Материалы
XXIX Международной научной конференции

Москва, 13–15 апреля 2017 г.

Москва
2017

УДК 930(08)
ББК 63.2
В 85

Редакционная коллегия:

*Н.М. Брусиловский, С.В. Зверев, Е.В. Казбекова,
И.Г. Коновалова, Н.Ф. Котляр, Е.В. Пчелов,
Д.Н. Рамазанова, Б.Л. Фонкич, А.А. Фролов,
А.П. Черных, Ю.Э. Шустова*

Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании: Материалы XXIX Международной научной конференции. Москва, 13–15 апр. 2017 г. / Рос. гос. гуманитар. ун-т, Ист.-арх. ин-т, Высшая школа источниковедения, спец. и вспомогат. ист. дисциплин; Рос. акад. наук, Ин-т всеобщей истории; Музеи Московского Кремля. – М.: ИВИ РАН, 2017. – 353 с.

В докладах и тезисах на основании новых исторических источников рассматриваются актуальные проблемы таких вспомогательных исторических дисциплин, как палеография, историческая хронология, историческая метрология, историческая география, генеалогия, ономастика, сфрагистика, геральдика, нумизматика и др., освещаются проблемы истории естественнонаучного знания, история и историография вспомогательных исторических дисциплин. Большое место уделяется исследованиям по истории книжной культуры.

Для специалистов в области гуманитарного знания, истории, источниковедения, вспомогательных исторических дисциплин, историографии.

Научное издание

ISBN 978-5-94067-474-0

- © Редакционная коллегия, общая редакция, составление, 2017
- © Институт всеобщей истории РАН, 2017
- © Российский государственный гуманитарный университет, 2017
- © Музеи Московского Кремля, 2017

А.Г. Авдеев (Москва)

О надписи на кресте дьяка Стефана Бородатого

Для средневековой эпитафии Западной Европы и Востока увековечивание актов документов на камне – обычная практика, но для Руси XV в. перенесение текста вкладной грамоты на памятник эпитафии – случай уникальный.

Белокаменный крест, установленный в 1458 г. дьяком Стефаном Бородатым, первоначально находился в ростовском деревянном храме Воскресения, что на рву, а после его разборки в 1814 г. хранившиеся в нём древности были распределены между церквями св. Исидора Блаженного и св. Иоанна Милостивого. Из последней крест поступил в коллекцию Ростовского музея церковных древностей.

Первую научную публикацию креста осуществил А.В. Орешников в 1894 г., связавший имя его заказчика с известным политическим деятелем XV в. дьяком Стефаном Бородатым. В 1971 г. крест републиковала Т.Н. Николаева. Крест неоднократно привлекал внимание исследователей – как источник биографических сведений об инициаторе его установки, как памятник декоративно-прикладного искусства, но содержание надписи так и не стало объектом изучения. Между тем, данная надпись заслуживает особого внимания в контексте формирования новой поминальной культуры в целом и генезиса старорусского подписного надгробия в частности. Она уникальна тем, что ее формуляр сочетает в себе формулы, характерные для поминальных граффити, эпитафий и надгробных крестов. В текст памятника также включена копия вкладной грамоты, данной Стефаном Бородатым в Воскресенский Ростовский монастырь.

Надпись на кресте состоит из 20 строк. Интерпункционные знаки делят её на смысловые блоки, где объединены информационные единицы, которые сочетают формулы, характерные для различных типов эпитафических памятников и вкладных грамот. Такая структура надписи представляет определённый интерес, так как даёт представление о принципах членения текста её создателями – заказчиком, знаменщиком или резчиком.

Первый блок объединяет дату смерти сына Стефана Бородатого Ильи и имена великого князя Московского Василия II, его сына и соправителя Ивана, митрополита Московского Ионы, ростовского князя Владимира Андреевича и архиепископа Ростовского Феодосия (Бывальцева), относящиеся к тексту помещённой ниже вкладной грамоты. Если учесть, что

последняя, равно как и белокаменный крест, не могли появиться непосредственно в день смерти Ильи (7 ноября 1458 г.), то верхняя дата их создания определяется временем не позднее смерти свт. Ионы (31 марта 1461 г.).

Второй блок объединяет формулы, аккумулировавшие информационные единицы, характерные для поминальных граффити на стенах храмов, а также для эпитафий на надгробных крестах и белокаменных плитах.

В надписи на кресте Стефана Бородатого с датирующими элементами объединены *intitulatio* и *dispositio*, принадлежащие формуляру вкладной грамоты, но, очевидно, для составителя или резчика надписи, являвшиеся единым целым. Следующие за ними блоки, передающие текст вкладной грамоты, воспринимались уже как разные составные части одного текста: они делятся на *pagatio*, *subscriptio* и *sanctio* и отделены друг от друга interpunkционными знаками. Объём эпиграфического поля не позволил воспроизвести необходимые для подтверждения подлинности акта элементы формуляра – имена послухов, писца и сведения о приложенных печатях.

Исторический контекст, связанный с крестом Стефана Бородатого, отражает переход к системной поминальной практике, который начался в конце XIV в. На начальном этапе ключевая роль в её формировании принадлежит св. митрополиту Киприану (1389–1406). Введённый им Диатакис св. патриарха Константинопольского Филофея Коккина († 1376) установил строгий порядок совершения литургии, в том числе предписав священнику при каждом во время *intercessio* помянуть умерших «в себе <...> ельких хошет». По инициативе свт. Киприана был создан Синодик Московской митрополии – как часть Вселенского, пополненного памятью новых русских мучеников и воинов, павших в битвах на Воже (1378) и на Дону (1380). Утверждённый в Константинополе, в 1395 г. он был разослан по русским епархиям. С начала XV в. в основу его регулярного пополнения именами живых и умерших православных правителей лёг Иерусалимский устав, где основной акцент был перенесён на воспоминание истории спасения и предписывались разные формы долгосрочного поминовения усопших. Также была упорядочена заупокойная панихида, а в русские требники впервые вошёл канон «на исход души». В посланиях свв. митрополитов Киприана и Фотия (1410–1431) был определён порядок отпевания, погребения и поминовения умерших мирян и духовных лиц, в том числе в случаях, связанных в народном сознании с «напрасной» смертью, недостойной церковного поминовения.

Данные грамоты показывают, что начиная с 90-х гг. XIV в. структурообразующим звеном новой поминальной практики стал вклад на помин души, включавший вотчинные земли и денежные суммы. Духовной её основой стало развитие «большой» (ожидание Страшного суда) и «малой» (вопрос о посмертной участи души) эсхатологий, приобретших особую актуальность в XV в., а социально-экономической – формирование сословия служилых землевладельцев и развитие вотчинного землевладе-

ния. Центрами становления новой практики стали общежительные монастыри, обеспечивавшие поминание вкладчиков. Складывавшийся с 90-х гг. XIV в., порядок поминания определял вкладчик: бессрочное (вне зависимости от размеров вклада) традиционное поминание на анафоре и проскомидии («память», «поминок»), а также новые формы, не зафиксированные в более ранних источниках – память с кормом, поминальная служба и кормовое поминание, кормовое поминание и сорокоуст и иные варианты. Первое упоминание записи имени вкладчика в синодик-помянник связано со свт. Киприаном, а между 1428–1438 гг. в Троице-Сергиевом монастыре эта практика была уже регулярной.

В эту же картину вписывается и вкладная грамота Стефана Бородатого, где вклад (2 деревни) давался под условием вечного литийного или панихидного поминания сына Стефана Бородатого и всего рода во все субботы (но без записи в синодик) с разделением натурального (жито) и денежного дохода с вложенных вотчин между монахами (монахинями) Воскресенского монастыря и белыми священнослужителями, совершающими регулярные панихиды, что находит аналогии в данных грамотах, начиная с конца второй четверти XV в. Sanctio, угрожающее нарушителям условий вклада судом во второе пришествие перед самим Христом, видимо, связано с «большой» эсхатологией, так как к концу XV в. в актах эта формула сменилась угрозой вечного проклятия.

Таким образом, надпись на кресте дьяка Стефана Бородатого связывает формуляр поминальных граффити, надписей на надмогильных крестах и эпитафий на белокаменных плитах, демонстрируя их генетическую взаимосвязь и преемственность накануне появления подписных надмогильных плит, а содержание вырезанной на нём данной грамоты типично для поминальной практики, сложившейся до создания прп. Иосифом Волоцким Русского Синодика в 1479 г.

А.Ю. Авчухов (Волгоград)

Ценные бумаги и документы пароходного общества «Меркурий» середины XIX века

Как правило, все крупные пароходные общества в Российской империи формировались на основе поглощения или объединения более мелких предприятий. После изменения собственника акции и облигации акционерных обществ, так же как и паи товариществ, погашались и уничтожались. Единоличные купеческие пароходства исчезали почти бесследно. Ныне об их деятельности напоминают редчайшие образцы ценных бумаг, сохранившаяся деловая переписка или финансовые документы.

Некоторую часть материальной истории пароходного общества «Меркурий», оказавшегося у истоков крупнейшей пароходной компании «Кав-